

ЦЕННОСТНЫЙ КОМПОНЕНТ В ОБРАЗОВАНИИ: НУЖЕН ЛИ ОН СЕГОДНЯ?

П. И. Касаткин

Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России

Поступила в редакцию 21 марта 2017 г.

Аннотация: в статье рассматривается проблема аксиологии образования как неотъемлемого компонента сохранения и преумножения духовно-нравственных ценностей современного российского общества. Автор делает вывод о том, что сегодня, в условиях формирования постиндустриального общества, фундированного постмодернистскими социальными-философскими установками, образование приобретает всё более технократический характер, что ставит перед обществом задачу сохранения его ценностной составляющей, а также сохранения самого образования в качестве общественной (а не элитарной) ценности.

Ключевые слова: образование, ценности, аксиология образования, постмодернизм, гносеология, знание, наука.

Abstract: the article deals with the problem of the axiology of education as an integral component of preserving and multiplying the spiritual and moral values of modern Russian society. The author concludes that today a postindustrial society reaches new highs in its evolution and is guided by postmodern social and philosophical attitudes. As a result, education becomes more and more technocratic that should be inevitably addressed from the perspective of preserving social values' component as well as retaining education itself as a public (and not elitist) value.

Key words: education, values, axiology of education, postmodernism, epistemology, knowledge, science.

Аксиология образования на сегодняшний день является одной из сложных и мало разработанных проблем в отечественной науке. Осмысление ценностного компонента образования как механизма трансляции/ретрансляции знаний новым поколениям (а также дополнения знаний старших возрастных групп) – одна из ключевых задач актуального философского дискурса.

Как верно отмечает Н. Г. Багдасарьян, во все времена «образование представляло собой значимую ценность. Однако в некоторые периоды эта ценность становилась особенно приоритетной. При этом то, что в самом характере образования считалось наиболее существенным, претерпевало серьезные изменения» [1, с. 4].

В приведенном выше высказывании мы видим понимание образования как самоценности. Образование есть ценность. И это первый аксиологический аспект образования. Но ведь и самообразование есть не только процесс, но и содержание, которое напрямую зависит от того,

что в него будет заложено. Таким образом, образование выступает и как транслятор, передатчик тех или иных ценностей.

Попытаемся ответить на вопрос, необходимо ли сегодня сохранение аксиологического компонента в образовании или же ценностный подход к образованию является лишь иллюзией, а будущее за сугубо гносеологической образовательной моделью, главной целью которой станет лишь формирование определенного набора компетенций. Очевидно, что данная задача носит глобальный характер и выходит далеко за рамки статьи, тем не менее, на наш взгляд, сегодня необходимо четко определиться с тем, что должно нести в себе образование как просвещение (а не только как процесс передачи знаний). Когда «традиционные ценности и нормы противостоят ценностям и нормам модернизирующего общества, а уж тем более ценностям и нормам складывающегося информационного общества, где знание становится ведущей ценностью и капиталом» [2, с. 36], как никогда важно понять, какое ценностное содержание должно быть у самого образования, какую функцию оно должно выполнять.

Прежде чем говорить непосредственно об образовании, обратим внимание, что ценность как категория всё больше входит в общественное пространство современного мира. Аксиологический подход наблюдается в самых разных сферах. Тем не менее, как отмечала М. М. Лебедева, говоря о сфере политического, «снижение роли ценностной составляющей, выведение ее за скобки при обсуждении международных вопросов – одна из важнейших задач 2013 года и последующих лет. Но прежде необходимо осознать опасность все большего включения ценностей в мировую политику» [3]. С чем связан подобный экспертный подход? В первую очередь с тем, что ценности всё больше подменяют интересы, вступая в противоречие с процессуальной логикой мирового социально-политического развития.

В связи с этим встает вопрос, насколько применима подобная конструкция к образованию, которое сегодня всё больше становится услугой, а следовательно входит скорее в категорию интересов, нежели ценностей. Потребитель образовательных услуг заинтересован получить качественный продукт – именно это в его интересах. Аксиологическая же нагрузка отходит в этом случае на второй план и становится несущественной. Таким образом, по отношению к глобальному процессу аксиологизации политической сферы образование находится в своеобразной оппозиции. Более того, в постиндустриальном обществе не сформировалось групп интересов, которые могли бы продвигать видение образования как ценностно-ориентированной категории, в отличие от идей национально-этнической автономии, религиозного и культурного своеобразия [4, с. 148–149].

Следует отметить, что в отечественной педагогике в разное время были разработаны три концепции содержания образования, каждая из которых подразумевала в себе наличие того или иного ценностного компонента. Согласно первой концепции, содержание образования

представляет собой педагогически адаптированные основы наук (обучающимся предлагаются знания). В соответствии со второй концепцией, содержание образования подразумевает совокупность знаний, умений и навыков, которые в процессе получения образования должны быть усвоены обучающимися (ЗУН). Согласно третьей, культурологической концепции, содержание образования выступает в качестве педагогически адаптированного социального опыта всего человечества, соответствующего по своей структуре человеческой культуре во всей ее полноте. Как отмечает доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии МГИМО(У) МИД России В. Е. Бережнова, подобный опыт имеет четыре основных компонента:

- опыт познавательной деятельности;
- опыт осуществления известных способов деятельности;
- опыт творческой деятельности;
- опыт эмоционально-ценностного отношения к действительности [5, с. 240].

Таким образом, именно последняя концепция рассматривает содержание образования наиболее широко, в контексте человеческой культуры, накопленного человечеством опыта. И именно в ней мы можем говорить о наличии аксиологического компонента как ценностной доминанты образовательного процесса.

Действительно, в обществе столетиями происходят накопление ценностей (как моральных, так и культурных) и их постоянная передача следующим поколениям. Иногда в этой системе происходит то, что мы можем определить как культурно-парадигмальный сбой: прежняя система ценностей отвергается, и на ее месте создается новая, полностью отличная от предыдущей. В качестве примера мы можем привести революцию 1917 г. в нашей стране, когда аксиологические модальности царской России (как духовно-моральные, так и культурные) были полностью отвергнуты новой системой, а им на смену пришла новая культурно-ценностная формация.

Но, как показывает история, даже в случае подобного сбоя, через какое-то время происходит откат назад. Прежняя система ценностей вновь становится востребованной, а затем и полностью возвращает свои позиции. Так, в советское время уже в 1930-е гг. начался возврат к дореволюционным духовно-культурным концептам/образам/мифам, а после 1991 г. вся духовно-культурная парадигма дореволюционной России нашла свое место в новом российском обществе.

О чем это говорит? На наш взгляд, в первую очередь о том, что национальный ценностный компонент, каким бы противоречивым он ни казался на определенном этапе исторического развития, тем не менее не может игнорироваться в ходе развития государства. Процесс культурной рецепции как преемственности ценностей прошлого не может быть остановлен, но лишь временно прерван, так как культура веками воспроизводит сама себя, но не рождается заново каждый раз в новых условиях.

Таким образом, мы можем говорить об антропологическом измерении аксиологии образования, когда категория ценности утраивается: ценностью является само образование, ценностью является содержание образования и ценностью является реципиент – человек.

Как представляется, подобный подход носит условный либеральный характер. Антропоцентризм в данном случае выступает в качестве абсолютной ценности, что нельзя трактовать аксиоматично. Абсолютизация человека ведет к обесцениванию многих сопредельных сфер. Тем не менее в 1990-е гг. в нашей стране возобладал именно такой подход к образованию как ценности и к содержанию образования как ценности. В 1995 г. РАО совместно с Российским Фондом Фундаментальных исследований и Институтом педагогических инноваций издали так называемый словарь – «Новые ценности образования: тезаурус для учителей и школьных психологов». В нем излагались следующие идеи: «Ценности образования действуют на каждом этапе его развития как моральные императивы... Ценности образования нельзя установить авторитарным путем, они эволюционируют вместе с развитием содержания и технологий образования, вместе с изменением социокультурной среды и трансформацией сообществ. Люди – основные носители ценностей – выстраивают их системы в зависимости от своего субъектного опыта и направленности сознания и используют в качестве критериев практики или меры соотносительности с целями деятельности» [6, с. 6]. В процесс образования активно включаются не только государственные министерства и ведомства, но и негосударственные организации, что снижает возможность директивного регулирования ценностного аспекта в образовательной сфере [7, с. 159–161].

Безусловно, следует согласиться с тем, что ценности образования не могут быть продиктованы «сверху», т. е., установлены директивно. Они есть продукт всего предыдущего культурно-исторического развития. Тем не менее, на наш взгляд, не вполне верно говорить о том, что ценности относительны и сопрягаются с той или иной практикой или деятельностью. Здесь мы сталкиваемся с аксиологическим релятивизмом, свойственным для культуры постмодерна в целом. Как верно отмечает доктор педагогических наук В. Н. Наумчик, «Аксиологический релятивизм в педагогике – это гибель цивилизации» [8]. Но можно сказать и шире: аксиологический релятивизм в образовании – это гибель цивилизации, так как потеря культурной идентичности в образовании грозит потерей и национальной идентичности.

По мнению российского исследователя Я. В. Кушнаренко, «принципы педагогического интеллектуализма и волюнтаризма по-прежнему торжествуют. К ним добавился еще один “бич” современного сознания – релятивизм» [9, с. 120].

Действительно, в современном западном обществе онтологический плюрализм оборачивается релятивизмом, ведущим к размыванию границ, в том числе и в духовно-ценностной сфере. И, более того, сегодня происходит фактически сознательный отказ образования от ориентации

на ценности как основу образования. Так, А. И. Извеков прямо пишет: «Сама задача воспитания стала неактуальной. В высшей школе навязывание определенных систем миропонимания практически исключено, так как задача высшей школы состоит в формировании “операнта” на рынке труда, а не в формировании универсальной личности... В этих условиях всякая претензия высшей школы на выполнение воспитательной функции практически обречена либо на догматизм, либо на морализаторство, равно неприемлемые» [10, с. 65–80]. В результате же «постмодернизм, утверждая релятивизм этических установок, сопряженный с представлениями об “исчезновении субъекта”, не оставляет возможности для возникновения самой основы для воспитательного процесса в высшей школе» [там же]. Нередко увлечение позитивизмом приводит к сциентистскому пониманию социальной онтологии, редукции аксиологической проблематики [11].

Но переход к полностью гносеологическому принципу реализации образовательного процесса автоматически выносит за скобку процесс формирования ценностей у личности. Как писал известный философ и культуролог М. С. Каган, «проблема формирования убеждений – нравственных, политических, религиозных, эстетических – принадлежит аксиологии, а не гносеологии, и находится в компетенции воспитания личности, а не ее образования» [12].

На наш взгляд, трудно согласиться с подобной точкой зрения, которая отказывает образованию в аксиологической функции. Безусловно, воспитание играет значительную роль в формировании ценностной ориентации личности, но, как нам кажется, и образование (путем формирования онто-гносеологической картины мира) участвует в этом процессе не меньше.

Образование, как система коллективного воспроизводства знаний и ценностей, не может быть раздробленным, мозаичным. В подобном случае мы можем столкнуться не только с вариативностью знаний, умений и навыков, но и поливариативностью ценностей.

Как правильно замечает С. А. Храпов, в постсоветском обществе постепенно изменяется само ценностное восприятие культуры: «Вместо ее традиционных интерпретаций в общественном сознании возникает образ культуры как его пространства значимой информации, зафиксированной в материальных и идеальных носителях. Причем основную функцию культурной ретрансляции и коммуникации отводят информационным технологиям и институтам массовизации и информатизации в целом» [13, с. 11]. Массовизация сильно изменила систему образования в России: например, доля студентов в возрастной категории 17–19 лет выросла с советского показателя (менее 40 %) почти в полтора раза – более 65 % в настоящее время. В условиях «наплыва» студентов деформируются преподавательские практики и научно-педагогические разработки отечественных научных школ [14, с. 267]. Есть ли в этой новой парадигме место образованию как инструменту ретрансляции ценностей? Очевидно, что ответ на этот вопрос требует серьезного осмысления.

Но уже сегодня очевидно, что именно образование помогает индивиду, как верно подчеркивает современный польский философ П. Штомпка, лучше разобраться в вопросах, относящихся к публичной политической сфере, развивает чувствительность к неправде и несправедливости, расширяет кругозор в направлении поиска стратегических решений общей, совместной деятельности [15, с. 165]. Кроме того, именно образование, особенно в тех случаях, когда мы понимаем его не узко, а широко, как получение практических навыков и способностей, а не только как получение утилитарной информации, сегодня является одним из ключевых условий получения престижа в обществе [там же, с. 351].

Хотелось бы обратить внимание и на еще один важный, с нашей точки зрения, момент – наметившийся разрыв между наукой и образованием. Известно, что традиционно система образования как структурно, так и содержательно всегда ориентировалась на науку, однако «современность подвергает науку серьезной критике. Наука перестает быть привилегированным способом познания, лишается прежних претензий на монопольное обладание истиной» [16, с. 494]. И вновь мы сталкиваемся с проблемой постмодернистского релятивизма, который, хотя и не стал, по мнению ряда авторов, реальностью макромира, тем не менее фрагментарно присутствует в различных общественных сферах и, в первую очередь, в духовной.

Впрочем, на эту проблему есть и прямо противоположный взгляд, согласно которому наука в постиндустриальную эпоху, хотя и подвергается постмодернистской ревизии, всё же получает новый статус – она становится экономически и социально востребованным интеллектуальным ресурсом, «который приобретает устойчиво позитивную ценностную характеристику» [17]. В результате же в современной культуре оказываются востребованными не постмодернистские идеи, критикующие возможности разума и научную рациональность как таковую, а создание высоко престижного имиджа науки. Правда, нередко это облекается в форму государственного дирижизма, т. е. попыток решить весьма сложные проблемы исключительно путем деятельности аппарата соответствующих ведомств, без учета современных сетевых социальных структур [18].

На наш взгляд, обе эти крайние точки зрения не отражают всей полноты картины. Наука сегодня всё больше специализируется и утилизируется, становится всё более прикладной, и в этом смысле она, безусловно, меняет свой статус. Но именно специализация науки ведет, по нашему мнению, к ее всё большему отрыву от образования. Как отмечает А. Холл, ранее, если люди занимались наукой, то делали это «либо ради личного интеллектуального удовольствия, либо в силу включённости в систему образования...» [19]. Сейчас же, очевидно, ситуация изменилась: занятие наукой профессионализировалось и стало самодостаточной деятельностью, зачастую крайне узконаправленной.

Авторы аналитического доклада «Будущее образования: глобальная повестка» полагают, что уже скоро произойдут значительные сдвиги в системе образования:

– обучение будущего станет высокостратифицированным и будет определяться возможностями доступа (в том числе стоимостью этого доступа) к уникальным носителям компетенций – «гуру» и сообществам практик;

– массовые знания и навыки будут передаваться в первую очередь за счет автоматизированных решений;

– «живое» обучение будет сравнительно более дорогим, следовательно, будет носить «премиальный» характер и в большинстве случаев будет организовано не как длинное совместное обучение, а в виде коротких интенсивных сессий [20, с. 10].

По мысли авторов доклада, важной частью «живого» обучения станет работа с ценностями. Таким образом, ценности, их ретрансляция и усвоение станут достоянием узкой группы населения. Основная же масса населения окажется за пределами аксиологических смыслов.

На наш взгляд, указанная выше технократическая перспектива, практически полностью лишаящая образование аксиологической перспективы, не может рассматриваться в качестве позитивного сценария, ведь для «процесса образования характерно освоение человеком систематизированной совокупности нравственных и культурных ценностей, соответствующих его интересам и общественным ожиданиям» [21, с. 7].

Сегодня как никогда важно осмыслить те проблемы, с которыми сталкивается современное образование, а следовательно, и каждый человек. Философия образования (как часть философии культуры) должна ответить на целый ряд вопросов, главным из которых является вопрос о ценностном содержании образования. Тенденции, согласно которым образование уже в автоматизируется и информатизируется, а из образовательного процесса будет исключен носитель знаний (учитель, педагог), уже в скором будущем могут стать повседневной реальностью. Ускоряется переход на дистанционные образовательные технологии. Пока что отечественное образование еще призвано формировать целостного человека, личность, а не человека-функцию, содержанием которой должен быть определенный набор компетенций (даже не знаний). В Федеральном законе № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» прямо указывается, что образование – единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства, а также совокупность приобретаемых знаний, умений, навыков, ценностных установок, опыта деятельности и компетенции определенных объема и сложности в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого, физического и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов [22]. Таким образом, ценностные установки и духовно-нравственное развитие человека – одни из важнейших приоритетов отечественного образования. И именно об этом следует помнить, идя по пути интеграции российского образования в мировое образовательное пространство, по пути встраивания российской системы образования в глобальный мир.

Литература

1. *Багдасарьян Н. Г.* Ценность образования в модернизирующемся обществе, или Ценность знания в обществе незнания / Н. Г. Багдасарьян // Педагогика. – 2008. – № 5. – С. 3–10.
2. *Огурцов А. П.* Образы образования. Западная философия образования. XX век / А. П. Огурцов, В. В. Платонов. – СПб. : РХГИ, 2004. – 520 с.
3. *Лебедева М. М.* Усиление ценностного компонента в мире / М. М. Лебедева. – Режим доступа: <http://old.mgimo.ru/news/experts/document233905.phtml>
4. *Лошкарёв И. Д.* К вопросу об агентах этнического лоббизма во внешней политике США / И. Д. Лошкарёв // Право и управление. XXI век. – 2015. – № 3 (36). – С. 148–152.
5. *Бережнова Е. В.* Образование как ценность / Е. В. Бережнова // Вестник МГИМО – Университета. – 2014. – № 2. – С. 240–241.
6. Новые ценности образования : тезаурус для учителей и школьных психологов / ред.-сост. Н. Б. Крылова. – М., 1995. – Вып. 1. – 110 с.
7. *Алексамян А. Г.* Новые образовательные инициативы международных неправительственных организаций (на примере программы «Teach for all») / А. Г. Алексамян, М. И. Иноземцев, Е. А. Маслова // Право и управление. XXI век. – 2015. – № 3 (36). – С. 159–163.
8. *Наумчик В. Н.* Аксиологический релятивизм : пределы допустимого / В. Н. Наумчик. – Режим доступа: <http://ripo.unibel.by/index.php?id=706>
9. *Кушнарченко Я. В.* К вопросу о формировании аксиологической стратегии образования / Я. В. Кушнарченко // Известия Томского политехн. ун-та. – 2011. – Т. 318, № 6. – С. 119–123.
10. *Извеков А. И.* Педагогические задачи высшей школы эпохи постмодерна / А. И. Извеков // Инновации и образование : сб. материалов конференции. – СПб. : С.-Петербург. философ. общество, 2003. – Вып. 29. – С. 65–80. – Серия «Symposium».
11. *Алексеева Т. А.* «Земля смятения» : квантовая теория в международных отношениях? / Т. А. Алексеева, А. П. Минеев, И. Д. Лошкарёв // Вестник МГИМО – Университета. – 2016. – № 3 (48). – С. 7–16.
12. *Каган М. С.* Воспроизводство российской интеллигенции как педагогическая проблема / М. С. Каган. – Режим доступа: <http://anthropology.ru/ru/text/kagan-ms/vosproizvodstvo-rossiyskoy-intelligencii-kak-pedagogicheskaya-problema>
13. *Храпов С. А.* Деаксиологизация классического образа культуры / С. А. Храпов // Ценности современного общества : философия, социология, политика, культура : материалы региональной научно-практической конференции (21 ноября 2012 г.) в рамках празднования Всемирного дня философии ЮНЕСКО / науч. ред. Л. Ф. Баева. – Астрахань : Астрахан. гос. ун-т, 2011. – С. 11–14.
14. *Лебедева М. М.* Глобальные тенденции развития университетов и трансформация российской образовательной политики / М. М. Лебедева, О. Н. Барабанов // Вестник МГИМО – Университета. – 2012. – № 6 (27). – С. 265–269.
15. *Штомпка П.* Социология. Анализ современного общества / П. Штомпка ; пер. с польск. С. М. Червонной. – М. : Логос, 2005. – 664 с.

16. *Борисов С. В.* Философия образования современного общества : проблемы и перспективы / С. В. Борисов // Образовательные технологии и общество. – 2010. – Т. 13, № 3. – С. 491–496.

17. *Зеленков А. И.* Наука как социокультурная ценность / А. И. Зеленков. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by>

18. *Лошкарёв И. Д.* Генезис и эволюция концепции «заботы» Польши в отношении польской диаспоры / И. Д. Лошкарёв // Современные проблемы международных отношений и мировой политики материалы Десятой межвузовской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых / под ред. М. А. Шпаковской. – М. : РУДН, 2015. – С. 91–99.

19. *Hall A. R.* Science, Technology and Utopia in the Seventeenth Century / A. R. Hall // Science and Society, 1600–1900 / ed. by P. Matthias. – Cambridge – N. Y. : Cambridge University Press, 1972. – 174 p.

20. Будущее образования : глобальная повестка / Агентство стратегических инициатив при Президенте РФ. – 2013. – Режим доступа: https://edu2035.org/pdf/GEF.Agenda_ru.pdf

21. *Никольский В. С.* Образование. Общество. Личность / В. С. Никольский. – М. : Моск. гос. индустриальный ун-т, 2006. – 129 с.

22. Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (в ред. от 03.07.2016, с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2017). – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/

Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

*Касаткин П. И., кандидат политических наук, доцент кафедры мировых политических процессов
E-mail: pkas@mail.ru*

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University)

*Kasatkin P. I., PhD in Political Science, Associate Professor of the World Political Process Department
E-mail: pkas@mail.ru*